

Саша Чёрный

Свадьба под каланчой

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Свадьба под каланчой

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986838

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Последняя четверть сошла благополучно: по русскому – 5, по истории – 5, по остальным без гениальных успехов, но гладко. В итоге – по средней арифметической раскладке Васенька попал, по выражению классного наставника-грека, в число незаслуженно блаженных лодырей и без экзаменов перевелся в 8-й класс...»

Саша Чёрный

Свадьба под каланчой

Последняя четверть сошла благополучно: по русскому – 5, по истории – 5, по остальным без гениальных успехов, но гладко. В итоге – по средней арифметической раскладке Васенька попал, по выражению классного наставника-грека, в число незаслуженно блаженных лодырей и без экзаменов перешел в 8-й класс. Учебники и тетрадки убрал до осени в шкаф, – «спи, милый прах, до радостного утра», точно никогда и не прикасался к ним. И самое слово «восьмиклассник» еще не укладывалось в голове: последний год, а там... Задумчиво щелкал себя по манжетке и ухмылялся. До отъезда с бабушкой к дяде в именице в Подольскую губернию еще дней десять оставалось, – таких пустых и бездельных, точно его, Васеньку, совсем из жизни выбросили и куда-то на сохранение сдали.

Нина Снесарева, любимое сокровище, укатила со своими на дачу в Коростышево. Даже тоска по ней не заполняла дней, в памяти облаком расплылся нежный, русый, синеглазый одуванчик. Кофейное платье, аромат гимназических духов «Свежее сено»... Только голоса ее, к стыду своему, отчетливо вспомнить не мог... Чувства на сто лет хватит, а вот поди ж ты, никаких особых страданий пока не обнаружилось. Да и переписка какая-то неладная завязалась. Сам

он придумал на всякий случай такой громоотвод – писал ей будто от лица подруги. И маскарад этот всех самых теплых и огнедышащих слов его лишил, а уж он ли, пятерочник-словесник, писать не умел...

Бабушку видел редко. В женской гимназии шли последние выпускные экзамены, начальница волновалась едва ли не больше своей паствы. Даже к обеду не всегда приходила. Прощумит тугим синим шелковым платьем, поцелует Васеньку в лоб – и в зал. Щеки малиновые, и в добрых глазах забота и священный ужас.

Восьмиклассник подошел к окну: прогремел пароконный извозчик, повез в присутствии начальника акцизных сборов... Баки как у собаки. Кошка сидит у трубы и зевает... Дурында! Самая свободная тварь в мире, а туда же, мировую скорбь разводит. Пирамидальный тополь над крышей аптекаря весь заструился на майском ветру молодой, еще рыжеволосой листвой. Куда пойти? Ах, Нина, Ниненок, – кто эти дачи выдумал?..

Взял было гири, вскинул над головой тяжелые ядра и вдруг, услышав за спиной знакомый голос, прокатил их по дорожке в угол и обернулся.

– Ты дома, Васька?

На фоне малиновой портьеры в широченных шароварах и плотной сахарно-белой гимнастерке красовался знакомый вольноопределяющийся Павлуша Минченко. Толстяк, здоровяк, силач – взглянешь, сама рука тянется по спине его

похлопать. Приятели за рост и дородство, за добродушный нрав давно его прозвали, хоть он служил в армейском полку, «гвардейской кормилицей».

Сел на стол, – дубовые доски хрястнули, – полюбовался на свои лакированные голенища, а потом одним взглядом окинул Васеньку и коротко поставил диагноз:

– Киснешь?

– Приблизительно.

– Тем лучше. Стало быть, пойдешь?

– Куда?

Минченко покосился на свой алый погон, отороченный шелковым пестрым жгутом, посмотрел на портьеру и понизил голос:

– Ты, Васенька, только в обморок не падай. Против нас, как тебе известно, пожарная команда.

– Десять лет известно. Дальше.

– Так вот сегодня старый конюх свадьбу справляет.

– Передай ему от меня воздушный поцелуй...

– Не перебивай. Столы по всему двору расставлены, брендмайор бочку пива пожертвовал. Танцы будут, двух гармонистов заарендовали. Пойдем, что ли? Ей-богу, весело будет...

Васенька прыгнул с подоконника, подошел к приятелю, вынул часы и взял его за кисть.

– Пульс в порядке. Странно. Ты что же, полковник, в посаженные матери приглашен?

– Брось, чудак. Денщика нашего звали, он со всей командой в дружбе. Вместе и пойдем. Какие там еще приглашения... С золотым обрезаем, что ли?

Гимназист посмотрел на свой книжный шкаф – скучно. На спинку кресла в виде резной дуги с деревянными рукавицами по бокам – скучно. А в самом деле, идея гениальная. Только, только...

– Да ведь мы как неприкаянные там болтаться будем. Посторонний элемент, интеллигентские моллюски. Неуютная, Павел, позиция.

– Я тебя в своем виде и не зову. Очень ты им, без пяти минут Спиноза, нужен. Пойдем к нам, Сережка нам солдатское обмундирование из цейхгауза притащит. С ним и заявимся – земляками из нестроевой роты... Живо, а то без нас и пиво все выдуют и пейзажа главного не захватим.

Васенька нырнул под стол, достал завалившийся пояс, затянулся, надвинул на лоб тугую летнюю фуражку и ногой отбросил вбок портьеру.

– Ах да, погоди... Ступай вниз, я тебя сейчас догоню.

Вернулся к столу и набросал красным карандашом на куске картона: «Бабушка, золотая! Иду обедать к Минченко... Целую. Кисель оставь на вечер. *Вася*».

Приколол записку к столовой висячей лампе и через две ступеньки побежал догонять приятеля. Честное слово, гениальная идея!

Денщик Сережа был очень польщен поручением барчуков. Батальонный командир еще с утра уехал на стрельбище – помехи никакой. Ефрейтор в цейхгаузе был свой человек, земляк, да и для сына батальонного отчего же одолжение не сделать. Вернулся Сережка с целым ворохом сплюснутых фуражек, новых слежавшихся штанов мышисто-маторочного цвета и с гирляндой тяжелых, как утюги, сапог с квадратными срезанными носками. Обрядиться надо было как следует: горничные да кухарки бестии – чуть что не так, сейчас разнюхают.

На Минченко все было коротко и тесно. Кое-как подпоров внизу по швам раструбы штанов, влез в тугое сукно. Сапоги все перешвырял – мука. Один насилу напялил, прихлопнул каблуком – нога как в колодке. Еле-еле денщик, упираясь головой в валик дивана, стянул, да Васенька, спасибо, помог – сзади под мышками попридержал. Пришлось надеть старенькие, отцовские. Хоть стоптанные, зато по мерке, плясать можно... С Васенькой хлопот было меньше. Забили в носки сапог по клочку газетной бумаги, сойдет. А когда он встал и напялил на лоб плоскую, как тарелка, армейскую фуражку с козырьком зонтиком, денщик прыснул, впрочем, вежливо, отвернувшись в угол.

– Как есть новобранцем заделались. Дозвольте гимнастер-

ку в грудях расправить. В аккурат. Погончик у вас загнувши...

Помог стянуть поясок с лиловой железной бляшкой, оправил своего панича, а уж потом принялся за себя. Ему, бес-тии, и пофорсить было можно: сапожки кеглями на светлых подковках, лакированный пояс, писарского фасона фуражка, человек свой, – никакого маскарада не надо. И на переодевшихся барчуков сразу стал посматривать свободными глазами, даже чуть-чуть покровительственно.

Сошли с крыльца, обернулись направо-налево: ни одного офицера. Да и пожарная команда была в двух шагах наискосок. Сквозь распахнутые ворота гудела степенная толпа, пестрели студенческие фуражки пожарных, павлиньи глаза-стые шали на плечах баб, расстегнутые чуйки, ярким цветом мелькнул горбун-гармонист в канареечной рубаше с ремнем через плечо. Вверху над розовой каланчой, перегнувшись над перилами, смотрел вниз дежурный пожарный – с завистью, должно быть, смотрел, бедняк.

Васенька ввинтился в толпу, никто ни его, ни Минченко не заметил. Опасливо осмотрелся: слава богу, из прислуги городских знакомых – никого. Потолкался у длинного стола на козлах – некоторые, постарше, уже слегка посоловели: жесты в одну сторону, слова в другую, у женщин лица переливаются красной медью, блаженные улыбки вспыхивают и гаснут, – а может, не улыбнуться надо, а обидеться. Отец молодой, кургузый слободской мещанин с подсолнечной шелу-

хой на крутой сивой бороде, слонялся среди гостей с бутылкой, все нацеливался – с кем бы выпить. Распахнутые полы толстого кафтана обвисли, как слоновьи уши. Мокрый седой войлок на лбу слипся. Приметил Васеньку, вытянулся и приложил растопыренную пятерню к картузу.

– Господину юнкерю! Выпьешь?

– Я, дедушка, не юнкер. Рядовой нестроевой роты Куроцапов. Честь имею вас поздравить.

– Не юнкер... А лицо у тебя, брат, умственное. Куроцапов, говоришь? Фамилия паршивая... Выпьем?

Вцепился в гимнастерку и потянул к столу. Чокнулись, выпили, поцеловались в обнимку... Теплая водка обожгла глотку. Васенька закусил зверски соленой тараньей икрой и нырнул от старичка за спину трехобхватной бабы. Тот и не заметил, качнулся, надул щеки, вогнал икоту внутрь, взболтнул остатки водки и поплелся искать новую жертву.

Гармонисты – горбун и второй, с восковым скопческим личиком, – растянули мехи – пауза – вскинули локти и грянули польку. И так подмывающе всхрюкивали высокие лады, так лихо хрипели баски, переходя на новое колено, так весело прищелкивали-звенели колокольчики, что ноги сами скидывались. Иной тугоусый пожарный, степенный дядя, потопчется сам с собой, обхватит первую попавшуюся талию и давай ее вертеть до банного поту. На Васеньку сбоку все посматривала крепкая веселая горняшка в малороссийской плахте шашками и расписных рукавах пузырями. Озорница,

должно быть: в кофейных глазах шалая улыбка, рот вишенкой, голову все к правому плечу исподтишка клонила.

Васенька осмелился и щелкнул своими армейскими копытами.

– Угодно?

И хотя сапоги были чертовски тяжелы, и хотя горели пятки и пальцы – крутил он ее четко и круто. Так вокруг себя и завивал.

– Ох, будет! Какие вы прыткие...

Васенька затормозил и, тяжело дыша, взял даму под руку и вывел из круга... О чем с ней говорить? Ишь колобок какой круглолицый!.. В глазах кружились золотые перья облаков, качались далекие липы над сараем...

– Какие у вас цветы в волосах. – Сам, впрочем, видел – желтая акация, – но надо же с чего-нибудь начать.

– А вам на что? Подснежники.

– Ишь вы какая насмешница. Дайте мне веточку.

– Вот еще... Цветок из волос дать – сердце потерять. Будто не знаете?

Впрочем, тут же остановилась, вынула из тугих кудряшек кисточку, перекусила стебель и жеманно подала Васеньке.

– Хотите, пойдём на конюшню лошадей смотреть? – ласково предложил он.

Пошли, взявшись за руки и покачиваясь, точно век были знакомы. Широкозадые вороные жеребцы, пофыркивая, хрустели овсом, гремели цепями, лоснились крупами... Сол-

нечный мутный луч сбоку прорезал полутьму, закутил в тишине пылинки... Васенька порылся в кармане, вынул горсть мятных пряников, – Сережка его снабдил, – и протянул хохлушке. Та подошла поближе к стойлу, рослый конь повернул голову, покосился опаловым зрачком.

– Чего смотришь?.. Пряничков тебе принесла, дурачок.

Теплые губы потянулись к ладони, наежились и осторожно подобрали лакомство.

А Васенька – бывает же такое непроизвольное движение – наклонился, в горле у него пересохло, глазам стало невмочь жарко, – и вдруг ни с того ни с сего прикоснулся губами к прохладной щеке соседки.

– Скусно? – весело спросил Сережка, точно Петрушка из-за ширмы, вдруг появившись из-за конюшенных ворот.

– Озорники какие! – взвизгнула хохлушка и стремглав бросилась в толпу.

А пристыженный гимназист вышел на свет. Колотилось сердце, горели уши. Черт его знает, что такое! И голос Нины – вдруг он его вспомнил – так отчетливо-надменно зазвенел в ушах:

«С горничными целуетесь? Донжуан пожарный... Вот и уважай себя после этого...» Он ушел в сторону, к калитке, тихо ее распахнул и медленно пошел по дорожке вдоль лохматых шапок крыжовника.

В вишнях свистела иволга. Солнечные пятна, точно мех пантеры, дробились на песке. У беседки за поворотом под

отдаленный плеск гармоники отплясывала странная пара: младшие детишки брандмайора, брат и сестра. На свадьбу их не пустили – неприлично, и они здесь, в зеленом закоулке, подражая взрослым, отплясывали какую-то каннибальскую польку. А потом, наплясавшись досыта, свалились в траву и, звонко заливаясь, стали щипать друг дружку...

Васенька осторожно обогнул полянку и расстегнул ворот. На душе легче стало. Умылся в углу у кухни, под краном. Долго пил, фыркая, как лошадь, беззаботно передернул плечами и пошел на знакомый голос: в калитке стоял Минченко и звал пить пиво.

* * *

У стены на высокой перекладине пожарной трапеции сидели, как ласточки на телеграфной проволоке, какие-то забежавшие с улицы мальчишки и грызли подсолнухи. Бесплатная галерка. Хохотали, подталкивая друг дружку: уж больно смешно там внизу гость-мастеровой валял дурака. Напялил картуз козырьком на затылок и тянул к себе упирающуюся, багровую, как свекла, веселую стряпуху. Не выдержав толчка, отлетел, вскинув углом руки, в сторону и грузно сел – в третий раз – на отяжелевший зад. Осторожно, как кот по луже, задирая ноги, подобрался к трапеции, попробовал было вскарабкаться к ребятам по узловатой веревке, обвис и тюфяком скатился вниз. Огрызок яблока шлепнулся о кар-

туз, мастеровой только головой мотнул. Умостил, прижался плечом к лестнице и блаженно закрыл глаза: убогатворился...

Сережка-денщик где-то раздобыл балалайку. Гоголем похаживал по двору, – и откуда у него этакая развинченно-галантерейная походка взялась... Пощипывал струны – сыграть, что ли? Подошел к девицам, отдохавшим пестрым кольцом вдоль сарая, пробежал глазами, выбрал и отставил каблук. Девицы ухмылялись и перешептывались.

– «Барыню», Сергей Иванович! – пискливо попросила коротышка в накрахмаленной шафранной юбке.

– Рад стараться. – Сережка стал в позицию и занес ковшиком ладонь. Брызнул легкий, ернический, балалаечный говорок. Второе колено звончей, третье еще круче.

И вдруг, встретившись глазами с высокой задорной кралей, – кисель с молоком! – перекинувшей через плечо темно-русую толстую косу, – отчеканил:

Дуня, яблочко, жар-птица,
Агромадная коса —
Разрешите в вас влюбиться
На коротких полчаса...

Девушки прыснули, выталкивая вперед упирающуюся Дуню, но та, сконфуженная и польщенная, выскользнула вьюном и скрылась в задних рядах. «Тьфу, окаянный!»

А Сережка небрежно покосился на каблук и наметил вто-

рую – соседскую белошвейку Таню, забежавшую на пожарный двор посмотреть свадьбу, потолкаться.

Как на лавочке у бани
Тайно жал я ножку Тане, —
Я такие тайности
Люблю до чрезвычайности...

Васенька, толкаясь в толпе, поднял голову: чего они там заливаются? Сережка донжуанничает... Соперник. Он все еще не мог себе простить своей глупой вспышки в конюшне. Значит, так со всякой, – ни с того ни с сего. И, как с ним не раз бывало в «честные» минуты, стал сравнивать: а если бы Нина вот так же какого-нибудь смазливового солдата поцеловала? Даже вздрогнул от негодования. Нина! Но почему же, разве это не одно и то же? Гимназическая строгая совесть говорила: «Конечно, какая же разница...» Но веселая, озорная беспечность молодости смеялась: тоже сравнил. Поцеловал, точно в пруд окунулся, больше ничего. Не деготь, не приста-нет.

А его хохлушка и думать о нем забыла. Стояла с белобрысым, как желток, безусым пожарным в дверях сарая, у насоса, и, охорашиваясь, примеряла блестящую медную каску. Странно: ее смазливое хохлацкое личико сразу стало строже и выразительнее. Диана не Диана, а, право, за одну из младших богинь бы сошла...

У пыльного забора, под березкой, сидел на земле Минчен-

ко, против него сивый, крепкий, как тумба, пожарный. Долго усаживались поплотней. Подошва к подошве пригнали пятки, упершись кулак к кулаку, схватились руками за круглую палку от метлы. Пробуя друг друга, резко рванули – ни с места. И медленно, вливая всю силу в кисти и в тугие пятки, стали друг друга перетягивать.

Над ними сгрудился народ. Силы вокруг бродило немало, не всю ее и хмель спеленал. Не у одного вот так же, как у сидевших на земле, сжимались, наливаясь кровью, кулаки и пружинили ноги.

– Ужель, Савельич, солдату поддашься? – просипела чья-то ошалевшая, кудлатая голова, просовываясь в круг.

– Зачем, черт, поперек говоришь?

И опять тишина. Затылки у противников потемнели, точно под банками натянулись. Ни с места.

– Врешь... – хрипло крикнул пожарный, надавая из последних сил. – Врешь...

Вот-вот лопнут. Но палка не выдержала, хрястнула, борцы повалились вправо и влево, толпа зареготала, задвигалась.

Минченко, отдуваясь, встал, поднял с земли бутылку сладкой смородиной. «Ну что ж, Савельич, ничья, пополам разопьем...»

Пожарный, улыбаясь, подтягивал шаровары.

Надвинувшиеся чуйки и пожарные хлопали Минченко по спине, ощупывали мускулы и гоготали: «Здоровый, бугай!»

Васенька вздохнул: ведь вот – как он с ними умеет – со-

всем свой. Болтает, пьет – забавляется.

– А, Василиса? – обернулся к нему Минченко. – Жарко?

– Ноги все оттопал. Броненосцы эти казенные, орудие пытки какое-то. Дьявол бы их взял!

– А ты Сережины надень. Что ж ты, чудак, молчал? У него вторая пара есть, как раз подойдут... Се-ре-жа!

Васенька пошел с денщиком и через пять минут вернулся бодрый и сияющий: от угрызений совести и следа не осталось. Потому что неразношенные армейские сапоги пуще всякой совести человека замучить могут.

* * *

Гармонисты сидели у края стола. Навалились на еду по-настоящему, по-деловому. Им свадьба – трудовой день, нынче густо, завтра пусто, – наедались впрок. И пили немало, но с выбором: выморозки – сладкое местное вяленое вино, водку на красных стручках, похожую на сургучную наливку-мадеру. К пиву не прикасались. Немецкий квас дешевка, хвосты им у лошадей подмывать... Но не хмелели ничуть, – ели уж очень густо. Только крякали да обтирали о скатерть мокрые рты. Гармонии, похожие на кубастые шкатулки, стояли сбоку на лавке, блестели медными резными углами, перламутровыми пуговками ладов, шляпками колокольчиков.

Васенька присел рядом. Выждал, пока горбун дожевал кусок жирной полендвицы, и спросил:

– А что, трудно на гармонии играть?

Гармонист вытер сальные руки о хлеб и небрежно ответил:

– Талант нужен. У кого телячьи уши, не научится...

Но, покосившись на почтительно слушавшего молодого солдата, смягчился:

– Такты надо во как держать. Не забегать, не заметывать. А то, брат, клейстер... Опять же механизм в суставах. Чтобы каждый палец сам собой, как ветер дышит, на свой клавиш ложился. Как у вас, скажем, по церемониальному маршу, – один дурак не с той ноги хватит, вся шеренга к чертовой матери... А ты что же, антиресуешься?

– Инструмент приятный, – вежливо польстил Васенька. – Я вот тоже на балалайке немного играю.

– Сравнил тоже козу с лебедью. Что ж ты на ней, на трех струнах сделать можешь? Трень-брень, хрюшки-выюшки... Шмель пролетающий загудит, ее и не слышно. А гармонь – гром, блеск, одурение...

Он слегка тронул свою кубышку, полукругом растягивая мехи.

– Вальц! – заверещала, подбегая, косолапая рябая красавица в накрахмаленной юбке. – Что ж вы, Терентий Сидорович, целый час все закусываете...

Горбун перемигнулся с подручным, согласно тронулись локти, и звонкий подрагивающий мотив печально заструился над мощеным пыльным двором.

Васенька вслушался. Господи, да этот вальс ведь бабушка часто по вечерам мурлычет, когда она в хорошем настроении:

Я видел березку.

Склонилась она...

Грузно завертелись, перебрасывая тело с ноги на ногу, пары. Танцевали серьезно, будто ответственную работу исполняли. Широкие лапы пожарных лежали на крепких плечах по-воробыному подскакивающих барышень. Густой дух ситца, помады и пота – неизбежный слободской аккомпанемент – поплыл над головами. Порой из-под каблука кавалера вылетала короткая искра: это подкова чиркала о камень. Минченко добросовестно крутил курносую коротышку-горничную, уткнувшуюся носом в его бляху... Сережка, пес этакий, вертел сразу двоих, перебрасываясь рыбкой от одной к другой...

Пожилая прачка стала рядом с Васенькой, втиснув руки в рыхлые бока. Ясно, что прачка, – пальцы, размытые добела, и жавелевой водой так от нее и разило. Никто ее не пригласил покрутиться, она цокала языком, покачивалась на месте – очень уж пронял пронзительно-роскошный мотив.

– Угодно? – изогнувшись, как пристяжная, поклонился гимназист.

Прачка очнулась, шлепнула белую руку на его плечо, пой-

мала такт и дернулась. «Однако, жернов», – подумал Васенька, с трудом ее поворачивая, словно наматывая бабу вокруг себя. Круг, еще круг, а она не отлипает, щеки как мальва, черт с младенцем связался. Ему казалось, что он в квашню с тестом попал, до того она вся была пухлая и сырая...

– Устал, сынок? – шепнула она, лукаво поблескивая рыбьими глазками. – Поверти, не растаешь...

– Ни-че-го! – отдуваясь, буркнул гимназист. Весело ему было и смешно...

И, вскинув случайно голову, обомлел. Из окна второго этажа брандмайорской квартиры смотрела на него во все глаза племянница брандмайора Наташа Лаптева... Взяла бинокль, зовет подруг...

Как бильярдный шар от борта в угол, отлетел Васенька от оторопелой прачки – и ходу... За ворота. Ветер слизнул фуражку... Пес с ней. Офицер, вынырнувший из-за угла, орет вдогонку, размахивая стеклом:

– Чести почему не отдал? Какой роты? Стой, тах-тах, тарарах.

Какая там к бесу честь! Что теперь будет, что теперь будет? Из всех окрестных окон, из каждого палисадника на него смотрело строгое личико Нины и прямо пылало пламенем презрения и гнева...

Косой мельницей перелетел через забор и скрылся за зашипевшим кустом в саду Минченко.